

Прогресс имеет значение, прорывы в медицине могут принести настоящую пользу обществу, но необходимо, чтобы сохранялся баланс между искусственным и естественным. В антиутопии А. Зиновьева искусственное постепенно вытесняет естественное, и, как следствие прогресса технического, наступает регресс и разрушение во всех сферах человеческого, а чрезмерное разнообразие порождает однообразие.

«Глобальный человек» А. Зиновьева – роман-предупреждение, роман-призыв к человечеству, стоящему на пороге новой эры, переосмыслить, чем являются истинные достижения цивилизации, а что суть псевдоценности, превращающие людей в роботонасекомых.

Литература

1. Зиновьев, А.А. Глобальный человек. М., 2006.
2. Трунин, С.Е. Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX – нач. XXI вв. Минск, 2006.

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ФОРМЫ В СРАВНЕНИИ С ГРЕЧЕСКИМ ОРИГИНАЛОМ

М. В. Золотарь

Современный читатель или слушатель, сталкиваясь с библейской фразеологией, обнаруживает множество непонятных слов или форм, например, *ничтоже сумняшеся*, которые чаще всего никак не объясняет, привыкнув, что компоненты устойчивого выражения по отдельности могут не нести никакого значения. Но вместе с тем мы знаем, что в русском языке есть множество фразеологизмов, в том числе и евангельского происхождения, слова которых совершенно понятны и по отдельности, скажем, *камня на камне не оставит*. Откуда же появились в русском языке «непонятные» выражения?

Ответ заключается в том, что такие устойчивые сочетания пришли в язык из церковнославянского, а не русского перевода Библии. Церковнославянский язык – это язык православного богослужения и древнеславянской книжности, возникший в IX в. на основе староболгарского. Именно на церковнославянском были написаны первые памятники древнеславянской письменности, на церковнославянский сделали перевод Библии Кирилл и Мефодий. Этот язык употребляется в православном богослужении и по сей день, и даже если мы можем поспорить с целесообразностью его использования в современной Церкви, отрицать историческое значение церковнославянского языка невозможно.

Синодальный перевод, ставший общепринятым в церковной среде русским переводом Библии, был выполнен только в XIX в.; до этого

времени Библия, в том числе и Евангелие, была доступна читателям только в церковнославянском варианте. Поэтому неудивительно, что множество крылатых выражений пришло в современный язык именно оттуда. Церковнославянский язык, в силу своего искусственного происхождения, еще более точен в передаче греческого оригинала, чем русский язык Синодального перевода, известный своим буквализмом.

Многие выражения из Евангелия совершенно непонятны без знания церковнославянского первоисточника, например *злоба дня, на злобу дня* (восходит к Мф. 6:34). В русском переводе мы читаем: *довольно для каждого дня своей заботы*; греческий текст – ἀρκετὸν τῇ ἡμέρᾳ ἡ κακία αὐτῆς (Мф. 6:34). Греческое слово ἡ κακία имеет основные значения ‘порок, негодность, испорченность’, более поздние – ‘тяготы, бедствия’, откуда было взято новозаветное значение ‘забота’. Церковнославянский текст звучит так: *довлѣеть днєви слѡба єзгѡ* (*довлеет днєви злоба его* – этот отрывок также стал крылатым выражением). Злоба в церковнославянском имеет тот же спектр значений, что и в греческом: 1) ‘зло, злодейство, лукавство’, 2) ‘бедствие’, 3) ‘забота, тягота’. В русском же языке это слово сохранило гораздо более узкое значение, потому его употребление в устойчивом сочетании выглядит немотивированно.

Часто повторяется в Евангелии от Матфея сочетание *тьма внешняя* – τὸ σκότος τὸ ἔξωτερον (Мф. 8:12, 22:31, 25:30), которое значит ‘ад, место, куда попадают умершие’. В русском же языке на основе этого сочетания возник фразеологизм *тьма кромешная*, означающий полную, беспросветную темноту. Исток крылатого выражения мы находим в церковнославянском переводе: *во тмѹ кромѣшнѹю. Кромѣшнѣй* – ‘внешний, запредельный’ – от слова *кромѧ* ‘край, кусок’ (мы можем вспомнить однокоренное русское слово *кромка* – ‘край ткани, доски’). Слово же *кромешный* под влиянием евангельского отрывка потеряло свое исходное значение ‘внешний’, приобрело дополнительный оттенок ‘ужасный, безысходный’ и теперь употребляется не только со словом *тьма*, но и с другими, сходными по значению словами: *кромешный мрак, кромешный ад*.

Еще один церковнославянизм – *гроб повапленный*. Оригинальный текст, откуда берет свой исток фразеологизм, звучит так: ὅτι παρομοιάζετε τάφοις κεκοινωμένοις (Мф. 23:27) – *что уподобляетесь побеленным гробам*, Синодальный перевод – *окрашенным гробам*. *Повапленный* значит ‘покрашенный, побеленный’.

Также церковнославянское слово употребляется в устойчивом выражении *ищите и обрящите*. Фразеологизм восходит к отрывку из Нагорной проповеди, который в греческом оригинале звучит так: ζητεῖτε καὶ

εὐρήσεται (Мф. 7:7), что в русском переводе значит ‘ищите, и найдете’. Церковнославянский текст полностью соответствует фразеологизму: *изщи1те, из ъбрсцете*.

Ряд устойчивых выражений, основанных на Евангельском тексте, состоит из вполне понятных носителю современного русского языка слов, но отличается архаическими, церковнославянскими грамматическими формами. Примером может служить фразеологизм *ныне отпускаеши*, восходящий к отрывку из Евангелия от Луки (2:29): *νῦν ἀπολύεις* (букв. ‘сейчас ты отпускаешь’, Синодальный перевод *ныне отпускаешь*).

Более сложный случай представляет фразеологизм *нет/нестъ пророка в своем отечестве*. В словаре «Крылатые слова Библии» Н. С. и М. Г. Ашукиных этот фразеологизм приводится в форме *нестъ пророка...*, но в языке уже давно употребляется более современная форма *нет пророка*. И вместе с тем, сравнив церковнославянский и русский переводы данного отрывка Евангелия, можно предполагать, что источник крылатого выражения – не русский, а церковнославянский текст. В Синодальном переводе мы читаем: *не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем*, что почти дословно передает греческий текст *οὐκ ἔστιν προφήτης ἄτιμος εἰ μὴ ἐν τῇ πατρίδι αὐτοῦ* (Мф. 13:57, Мк. 6:4). Трудно представить, как из *не бывает пророка* получилось *нет/нестъ*. Зато церковнославянский текст гласит *нѣсть прбр0къ без8 чести, т0кмѡ во птечествіи своемъ*. Можно предположить, что слова *без чести, токмо* выпали в процессе освоения выражения, и получилось сочетание *нѣсть прбр0къ во птечествіи своемъ*, которое в дальнейшем несколько осовременилось.

Фразеологизм *камо грядеши?* тоже восходит к церковнославянскому тексту Евангелия от Иоанна (13:36). По-гречески это звучит как *ποῦ ὑπάγεις;* в Синодальном переводе – *куда Ты идешь?* Это крылатое выражение получило известность в русском языке благодаря одноименному роману Г. Сенкевича – так русские переводчики передали латинское название оригинала «*Quo vadis*». Примечательно, что оба крылатых выражения нашли место в знаменитом романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», где упоминается кинотеатр под таким названием: *И молодой человек в замечательных сандалиях увлек Зосю под тусклую вывеску кино «Камо грядеши», бывш. «Кво-Вадис»*.

Крылатые выражения, содержащие церковнославянские слова и формы, на первый взгляд избыточные и «неправильные» с точки зрения современной грамматики русского языка, на самом деле обогащают нашу речь, расцвечивают ее особыми красками. Именно благодаря этому

устаревшие формы так и не исчезли из языка, несмотря на имеющиеся эквиваленты.

Литература

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. Брюссель 1989.
2. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
3. Библейские аллегории. Крылатые слова Библии // Библиотека газеты «Знамя юности». Минск, 1979.
4. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1968.
5. The Greek New Testament. Fourth Revised Edition. Stuttgart, 2004.
6. Полный церковнославянский словарь. С внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений. Интернет-адрес: <http://www.orthodic.org/>.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ИМЯДАТЕЛЯ И НОСИТЕЛЯ ИМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОПРОСА МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ 1984–1993 гг. РОЖДЕНИЯ)

Е. О. Казачок

Объектом нашего исследования являются личные имена современных молодых людей, их состав и качественное разнообразие, предметом — ономастическое сознание как носителей имен, так и тех, кто осуществляет имянаречение.

Понятие ономастического сознания (далее ОС) было введено в научный оборот Т. В. Шмелевой в учебном пособии «Язык города. Пространственные ориентиры» [3] и использовалось для описания сознательного или бессознательного восприятия горожанами проблем ономастической номинации. ОС — это универсальный термин, обозначающий соотношение сознания и ономастического пространства языка и культуры. В диссертационной работе А. А. Трапезниковой ономастическое сознание определяется как «составляющая метаязыкового сознания, манифестирующего рациональное понимание языка и его интерпретацию» [2, с. 4]. Иными словами, это часть метаязыкового сознания, в которой отражено отношение говорящих к ономастическим единицам — именам собственным. Метаязыковое сознание в современной науке понимается как область рационально-логического, рефлексизирующего языкового сознания, направленная на отражение языка как элемента действительного мира.

Метаязыковое сознание включает в себя и сознательное, и бессознательное. Ономастическое сознание имядателя и имяносителя тоже подразделяется на две составляющие: осознаваемое и неосознаваемое, граница между которыми для каждого человека индивидуальна. Это проявляется в процессе именования и восприятия собственного имени.